

Валерий Мартыненко

Однажды,
и на всю жизнь

ВАЛЕРИЙ МАРТЫНЕНКО

**Однажды,
и на всю жизнь**

Стихи

*С верой, надеждой и любовью,
сыну Сергею и дочери Елене посвящаю.*

Кое-что я в этой жизни понял —
Значит, я недаром битым был.
Я забыл, казалось, все, что помнил,
Но запомнил все, что я забыл.

Понял я, что в детстве снег пушистей,
Зеленее в юности холмы.
Понял я, что в жизни столько жизней,
Сколько раз любили в жизни мы.

Евгений Евтушенко

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Я рад представить Вам 3-й сборник «Однажды, и на всю жизнь» актюбинского поэта Валерия Мартыненко и с удовольствием поздравляю с этим событием не только автора, но и всех нас – ценителей прекрасной словестности. Ведь, как и в предыдущие разы, раскрыв новую книгу стихов нашего земляка, Вы окунетесь в мир добра и любви, огромного желания жить и трепетного отношения к родной земле и к ее истории.

*Это мой полустанок,
Мой затерянный мир.
Дорожу, что досталось
Познать этот миг.*

Зная, чем и как живет Валерий, я бы мог поставить эти строки эпиграфом ко всему его творчеству. Непросто складывается жизнь этого человека. Лешив его возможности видеть злодейка-судьба, казалось бы, отнела у него многое. Но мне кажется, что в данном случае она проиграла. Каждый раз, читая стихи Валерия я восхищаюсь красочностью, многозвучием образности его строк, учусь у него умению видеть и убеждаюсь еще раз в том, что зряч не тот кто смотрит глазами, а тот, кто видит душой.

*А мне досталась роль не из потешных,
Порою в драке с собственной судьбой
Играл для тех, кто потерял надежду,
Петь о любви не верящим в любовь.*

Поэзия Мартыненко лишена новомодных излишеств. Она проста, традиционна и естественна. Именно этому учил его наставник и мудрый старший

товарищ, покойный ныне Константин Деркаченко, много сделавший в свое время для становления целой поросли актюбинских поэтов.

- «Я впервые увидел Константина Ивановича в 1971 году, когда он выступал в СШ №11, в которой я тогда учился в 9-м классе, - вспоминает В. Мартыненко.- Тогда мои стихи попали к нему, и он пригласил меня в литературный клуб «Зеленая лампа», дав тем самым путевку в литературу».

В память об этом и в знак признания поэтических заслуг своего учителя накануне 60-летия Победы Валерий Мартыненко выступил с инициативой издания собрания сочинений «Ради жизни на земле» К. Деркаченко, куда вошли его стихи, поэмы, страницы фронтового дневника. Это подарок ветеранам Великой Отечественной войны и всем тем, кому дорога память о поэте. Приятно, что в Актобе нашлись люди, поддержавшие эту мысль. «Значит, духовность в нашем городе жива», - радуется Валерий.

Мартыненко родился 10 лет спустя после войны. Тогда практически в каждом доме была еще свежа боль потерь от нее, и пусть косвено, но все же война опалила и поколение, рожденных в 50-х годах. Поэтому, может еще так остро чувствует Мартыненко свою ответственность за память о тех, кто спасал мир от фашизма:

*О войне я знаю понаслышке
Из рассказов моего отца,
Говорю теперь о ней сынишке,
Но уже от третьего лица –*

пишет Валерий и добавляет уже в другом стихотворение:

*Спешите, чьи отцы еще в строю.
К вам обращаюсь больше, чем серьезно,
Пусть молодость военную свою
Расскажут Вам, иначе будет поздно.*

Мартыненко – лирик. И сборник «Однажды и на всю жизнь» – это книга о любви и ненависти, правде и лжи, жизни и смерти, зле и добре. Не раз испытал на себе предательство близких, поэт сумел сохранить веру во все светлое. Слова «света на свете больше чем тьмы» без всяких натяжек можно назвать жизненным кредо Валерия. Несмотря ни на что, он с открытым сердцем идет к людям и, находя в них отклик, убеждается в правоте своего выбора.

*И лечу, и падаю и снова,
Ветром подгоняемый лечу
В мир, где понимают с полуслова,
Где откроют если постучу.*

Валерий ненавидит подлость, лицемерие, хамство – все то, что убивает душу. И «задыхаясь от смога, грязных, пошлых словес», он не может быть равнодушен к наблюдателям. Не в пример многим, вполне благополучным согражданам, Валерий постоянно спешит делать добро. И, видимо, в этом кроется секрет его привлекательности к людям. К нему обращаются за советом и находят отклик начинающие авторы. Он охотно встречается с молодежью или, забыв о своих проблемах ходит по инстанциям, желая помочь товарищам.

*Жизнь – не рай, а тяжкий путь познания.
Юности – мечтающей,цветущей,
Оставляю, словно завещание:
«За лицом не проглядите душу»-*

этими словами самого поэта можно определить суть его поступков.

Так, живя по совести, как учил дед Спиридон, как завешали мать и отец- фронтовик, строит свою судьбу Валерий Мартыненко. В этом помогает ему верная спутница - Муза. А коль так, есть надежда, что еще не раз порадует он нас новыми произведениями. Ведь паруса его поэтического корабля , по-прежнему, полны вдохновения.

Попутного тебе ветра, друг, на пути к звездной гавани Поэзии!

Геннадий Мавлюдов

ИСПОВЕДЬ ВЕТЕРАНА

Нас все меньше и меньше с победною каждой весной.
Мы свое отслужили и честно свое отболели.
Вы не верьте, потомки, что все это было давно —
Мы живые свидетели той сумасшедшей метели.

Время выбрало нас мир спасать от заразной чумы.
Жизнь со школьной скамьи нам вручила шинели
на вырост.
Через все круги ада, взрослея, протопали мы —
Даже в самом кошмарном бреду вам такое не
снилось.

Нет, не ради наград, не за славой мы ринулись в бой,
Рвали горло врагу, не однажды сойдясь в рукопашной.
Боль великой страны стала нашей единой судьбой,
Умереть за нее, как за мать, было вовсе не страшно.

Помнишь, Родина—Мать, громогласное наше «ура»?
Мы тебя защищали, героюству учились у дедов.
Не забудьте, потомки, налить боевые сто грамм,
Выпить молча за тех, кто, увы, не дошел до Победы.

Что не все мы пришли из похода — не наша вина.
Ярко звезды горят с обелисков, ворвавшихся в небо.
Пусть навеки вам будут негромкие их имена,
Завещанием жить, мир беречь, быть с любовью
и хлебом.

В нашу юность военную буйно вросла седина,
Мы в строю еще там по ночам, где искали нас пули.
Дай вам Бог никогда не узнать, что такое война —
Мы навеки веков и за вас это лихо хлебнули.

Ах, какая в березовой роще стоит тишина,
И высокое небо глазами глядит голубыми!
Заклинаю, потомки, такими запомните нас:
Презиравшими смерть, в жизнь влюбленными
и молодыми.

Не стирайте из памяти светлого майского дня.
А когда мы уйдем под оркестры по Млечному следу,
Я вас, люди, прошу — не гасите Святого огня,
В память павших солдат, и о нас, и во имя Победы!

* * *

В камышах знойным летним вечером
Ветер сонно закрыл глаза.
Над водой зашуршала веером
Пучеглазая стрекоза.

Как младенцы, сопя зачмокали,
Ненасытные караси.
За высоким, густым осокорем
Солнца спрятался апельсин.

Поплавок то вздрогнет разбужено,
То, зевая, опять замрет.
Облаков разноцветных кружево
По вечерней заре плывет.

Лодка птицей с тонкими крыльями
Разбудила синь озерца.
Молчаливо кувшинки, лилии
Закрывают на ключ сердца.

У костра соберемся позднего
За ухой, под взглядом луны,
Наблюдать, как за звездной роздымью
Запевает хор тишины.

Утонул закат в пучине ночи,
Закружился звездный хоровод.
Водолей из деревянной бочки
На уснувший город воду льет.

Отмывает от дорожной пыли
Лица кленов, тополей, берез.
Дождевые струны напоили
Землю звоном чистых, божьих рос.

По утру задышится просторно,
Под базарный гам драчливых стай.
Поплывет кораблик из картона
По морям, в мир добрых, детских тайн.

Подойду, чтоб сквозь туман взглядеться
В дальний берег, в прошлое, назад,
И мое веснушчатое детство
Озорно посмотрит мне в глаза.

Выплыл рассвет из тумана,
Смыв сажу ночи с лица.
Там, за седыми дымами,
Солнце скатилось с крыльца.

Вновь обозначилось время
Чьих-то потерь и надежд.
Вздыбился в небо на гребне
Мой не последний рубеж.

Кажется, что не осилю,
На полпути упаду.
Только в судьбу и в Россию
Верю, как в крест на роду.

Вывется, выйдет из мрака
Многострадальная мать,
Сколько же можно ей плакать,
Сколько же можно страдать?!

Душу терзали татары,
Свастикой жгло воронье...
Русь зло встречала не даром —
Гневом, мечом и копьем.

Избороздили морщины
Милое сердцу лицо.
Спят под холмами мужчины,
Помнят потомки бойцов.

Боже, на многие лета
Русь сбереги от хамья.
Пусть тебе будет за это
Жизнь не святая моя.

Что ж, не большая потеря,
Не велика грусть-печаль.
Кто я? - Слепой подмастерье,
Ищущий рифм по ночам.

Только б над ней неустанно,
Только б над ней без конца
Плыл бы рассвет из тумана,
Солнце б катилось с крыльца.

Не поется, не пляшется —
Все печалиться мне.
Взгляд туманный твой вяжется
Наяву и во сне.

Никакой нету силушки,
Хоть об пол бейся лбом
Да, видать до могилушки
Присушила любовь.

Незавидная долюшка
Доняла, как репей.
С ней испил вволю горюшка, —
Вдвое больше теперь.

Плачет или аукает
Выпь на сонной реке.
Приютилась с разлукою
И тоска в уголке.

На душе — непогодица
Стынь и темь во всю ширь,
Помоги, Богородица,
Сбросить камень с души.

Лучше вольная волюшка,
Чем любовь-кабала.
Звал меня ветер в полюшко:
«Эх, была не была!»

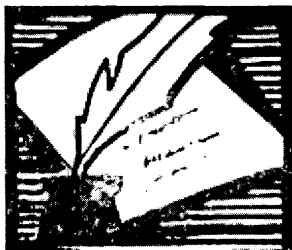
* * *

Запылал над бездной Млечный путь
Сединой своих мильоннолетий.
Месяца подкову разогнуть
Не под силу никому на свете.

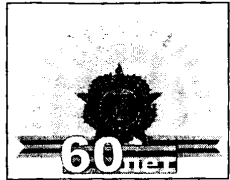
Стадо звезд пасет он отродясь,
Безупречно зная свое дело,
Бледно-желтым светом золотясь
По вселенским далям без предела.

И когда я мучаю перо,
И бумаги белые ладони —
Он меня уносит, как паром
В мир мечты, сияющей бездонно.

У окна распахнутого в сад,
Он залез на самый верх березы,
Подсмотреть, ну кто же написал:
«Как хороши, как свежи были розы!»

БАЛЛАДА О ЛЕЙТЕНАНТЕ

Умирал лейтенант на подушке из листьев осенних,
Когда бой замолчал, окровавив заката лоскут.
А потом он в деревне метался на скошенном сене,
Стон роняя в бреду, с воспаленных, синеющих губ.

Уходили бойцы добивать ненасытного зверя,
Уходили спасать от чумы обезумевший мир,
Вспоминая под музыку траков, надеясь и веря,
Что на свете есть чудо, и выжил их друг, командир.

Только смерть никого в лихолетие то не щадила,
И чудес не бывает, как нет двух начал у реки.
И сумская земля командира навек приютила, —
Полетело письмо в Казахстан из села «Родники».

Молодая вдова на руках с малолетним сынишкой
Заходила от горя, ища пятый угол в дому...
Это только потом сын узнал по прочитанным

книжкам:

«Почему седина, и отцов в семьях нет почему?!»

Вырос сын лейтенанта в отца весь — лицом, нравом,
ростом,
Сам уже лейтенант, и танкист, с фото — просто
близнец.

Все у парня в порядке, измучился только вопросом
Настоящих мужчин и солдат: «Как же умер отец?»

И позвали в дорогу: зов крови, любовь, долг и память.
Вот село, что в письме, русской женщины долгий
рассказ...

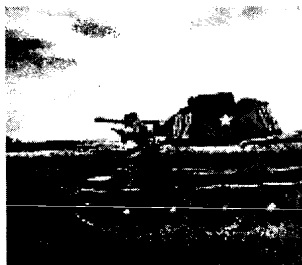
Близкой, теплой, родной стала вдруг та земля
с родниками:

И овраги, и поле, и тихий погост у леска.

Есть у времени боль, а у той есть жилье без прописки.
Прослезилась душа — и печаль ей и радость к лицу.
И легли полевые цветы на плиту обелиска
С благодарностью сына-танкиста, танкисту отцу.

Связь времен и имен — это памяти вечной наука.
Эстафету любви мы в сердцах наших свято несем,
От отцов к сыновьям, а от них подрастающим
внукам, —

Тем и крепко стоим на земле, ну а значит, живем!

* * *

Вот уже короче стали ночи,
И короче с ними стали сны.
Желторотым многоточьем почек
Так тепло запахло от весны.

Задрожали трепетные струны,
Снег сошел с души рекой лавин.
Захотелось быть, как ветер — юным,
От любви, разбуженной в крови.

Захмелев до головокруженья,
Я твой образ в облаках искал,
А нашел твое изображенье
В желтых пятнах мартовских зеркал.

Молча, у газетного киоска,
Ты кормила булкой голубей.
Было все так искренне и просто,
Как могло быть только лишь в тебе.

И забился мир под облаками
Голубиной музыкою крыл.
И душа наполнилась стихами,
Словно степь напевами домбры.

* * *

Лето скатилось, как с горки,
Пыль за собою клубя.
Дождь за оконною шторкой
Мне вдруг напомнил тебя.

Ветер еще одну осень
Нарисовал впопыхах,
Желтым мазком на березе,
Бронзовым — на тополях.

Возле границы межцветья
Золота и серебра
Зреет как вздох междометья —
Вечная грусть для пера.

Запах антоновских яблок!...
В небе косяк журавлей
Строчкой короткого ямба
Взмыл над печалью полей.

Ты в эту пору любила
Долго смотреть из окна
В сад, где краснела рябина,
Лето пытаюсь догнать.

Снег остался от прошлой зимы
В переулках души моей вешней.
Сохранить бы мечту нам, а мы
Все искали святых среди грешных.

Не хватило нам пройденных лет,
Разгадать жизни вечную тайну.
А забытый бубновый валет
Все открыл так легко и случайно.

Луч заката скользит на стекле,
Мою грустную память утюжа.
Почему-то вдруг стало теплей
От внезапно нахлынувшей стужи.

И утратили силу слова.
Жизнь — игра, кто-то в ней —
«третий-лишний».
Снег с души, словно снег Покрова
Выпал тихо под утро, чуть слышно.

Замерли молитвенно березы
Над рекой, где прячется туман,
От метели к виноградным лозам
Взмыл гусей крикливый караван.

Над притихшим и озябшим стогом
Разлилась осенняя печаль.
Мирно и покорно «внемлет Богу»
Золотом увенчанная даль.

Я люблю, когда над степью блёклой
Журавли лохматят облака,
С пожеланьем доброго полета
Помахать им тянется рука.

А в избе запахнет теплым хлебом
И веселым яблочным вином.
Кажется, что этим хмурым небом,
Грусть моя прощается со мной.

За окном туманится и вьюжится,
Ночь заснула под метельный свист.
Я влюблен в заснеженные улицы,
Как влюблен в мелодию артист.

Сколько в них фонарной, теплой лунности,
И покоя, мира для души.
Память чаще все грустит о юности,
Фотопленкой сматывая жизнь.

На ресницы снег летит доверчиво,
Словно хочет рассказать о том,
Как когда-то тихим, зимним вечером,
Обнимаясь, мы брели вдвоем.

И, казалось, будет вечным парусом,
Нас с тобою повенчавший снег.
Не сбылось, увы, о чем мечталось нам,
Снега, что был нашим, больше нет.

Все ушло с тобой, как в Лету кануло,
Сердце мне отчаяньем знобя.
До сих пор хожу, как неприкаянный,
Мимо окон, помнящих тебя.

Над трубой все также дым лохматится,
Крася в пепел стаи облаков.
То ль зима со мной о прошлом мается,
То ли я в плену её оков.

Снова осень звенит позолотой,
Журавлями грустит в синеве.
Полонез свой минорною нотой
Отыграли маэстро в траве.

Я их помню по летним аллеgro,
По анданте до самой зари.
Степь молчит в ожидании снега —
Когда зябнешь, о чем говорить?

Оголилась до самого края
Откровеньем скользкая даль.
То ли спрятали, то ли украли
Солнце вороны, где и когда?

Не прощаюсь, чтоб не было жалко
Улетающих, тающих стай.
Облетают цветы с полушалка,
Гаснут краски степного холста.

Я дождусь еще бабьего лета,
Паутины надежды в лицо,
Ну, а там, за метельным фальцетом
Предрассветного пенья скворцов.

